

Парадокс «подпольного» своеволия в творчестве Ф. М. Достоевского: от самоутверждения к самоотрицанию

Николай Рябчинский (Образовательная программа «Философская антропология»)

Аннотация

В статье предпринимается попытка раскрыть проблематику «подпольного» своеволия, представленного в творчестве Ф. М. Достоевского, с точки зрения парадоксальности этого феномена. Исходным тезисом данного исследования является признание, что стремление объявить своеволие жадной самоутверждения, переходящей в произвол, полагается определяющим качеством «подпольных людей», к типу которых относится большинство героев Достоевского, начиная с повести «Записки из подполья». Исходя из анализа художественных произведений Достоевского («Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Бесы») показывается, как своеволие «подпольных» героев приводит их в состояние духовного рабства. Делается вывод, что извечное стремление «подпольных» героев самоутвердиться в конечном итоге логически и фактически приводит их к самоотрицанию, чем подтверждается принципиальная парадоксальность этого феномена. Особый акцент в статье делается на проблеме Я и Другого, представленную исследованием Р. Жирара.

Ключевые слова: Достоевский, своеволие, «подпольный» герой, Другой, Жирар

Явление «подпольного» своеволия составляет одну из центральных философских проблем творчества Ф. М. Достоевского. Впервые эта проблема была сформулирована и представлена Достоевским в повести 1864 г. «Записки из подполья», герой которой восстает против абсолютности и непреложности законов природы и социального развития, главными образами которых в произведении выступают некая метафизическая «стена» и математическая формула «дважды два – четыре». Желая в своем бунте отстоять и сохранить «самое главное и самое дорогое»¹, что у него есть, т.е. собственную личность и индивидуальность, «подпольный человек» объявляет своеволие. Именно своеволие, согласно откровениям «подпольного» героя, выражает саму сущность человека как личности, духовное и онтологическое основание которой составляет свобода воли. Однако своеволие «подпольного» человека не имеет ничего общего с подлинной христианской свободой, в которой тварь становится подобна Богу. В своей свободной воле «подпольный» герой не хочет быть связанным узами ответственности

---

¹ См.: *Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 115.*

Парадокс «подпольного» своеволия в творчестве Ф. М. Достоевского: от самоутверждения к самоотрицанию

перед Богом и перед другими людьми, всю свою свободу он сводит к «одному только самостоятельному хотению, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела»². Он для того и ушел в свое «подполье», чтобы там иметь право на «свой собственный, хотя бы самый дикий каприз» и «свою фантазию, раздраженную иногда хоть бы даже до сумасшествия»³, т.е., говоря иначе, на откровенный произвол. Согласно замечанию Н. А. Бердяева, «подпольный» человек требует для себя безграничной свободы, поскольку хочет преодолеть сами «границы человеческой природы»⁴. Так, подобно самому люциферу, «подпольный» человек восстает против установленного Богом миропорядка с тем, чтобы установить свой собственный миропорядок, где будет только его воля. В конечном итоге это бунтующее своеволие «подпольного» героя достигает своего апофеоза в нигилистическом акте отрицания самого бытия во имя утверждения собственного Я, что характерно выражено в полных штирнеровского духа словах, произнесенных героем: «Да я за то, чтоб меня не беспокоили, весь свет сейчас же за копейку продам. Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить»⁵.

Стоит отметить, жажда своеволия как стремление самоутвердиться любой ценой – не есть качество, присущее исключительно герою «Записок из подполья». Исследователями неоднократно отмечалось, что именно это «подпольное» качество является основополагающим для многих героев последующих произведений Достоевского. Отчасти на этом основании принято говорить о целом типе «подпольных людей» в контексте творчества писателя⁶. В частности, в одном только романе «Преступление и наказание», вышедшем через два года после «Записок из подполья», к такому «подпольному» типу можно отнести не только Раскольникова, но в равной степени и т. н. его «двойников» в лице Свидригайлова, Лужина и Мармеладова. «Подпольными» могут быть названы также большинство героев романов «Идиот» и «Бесы». Особое значение в этом контексте приобретает герой «Бесов» Кириллов,

---

² См.: *Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 115.*

³ См.: Там же. С. 113.

⁴ См.: *Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М.: Издательство «Э», 2016. С. 374.*

⁵ См.: *Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 174.*

⁶ См., например: *Никольский С. А. Достоевский и явление «подпольного» человека // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 81.*

Парадокс «подпольного» своеволия в творчестве Ф. М. Достоевского: от самоутверждения к самоотрицанию

которого прямо можно обозначить как одного из главных идеологов «подпольного» своеволия. Так, в одной из своих «идеологических» речей Кириллов заявляет: «Я три года искал атрибут божества моего и нашел: атрибут божества моего – Своеволие! Это все, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу мою»⁷. Вслед за ним эти слова могут повторить все «подпольные» герои Достоевского, поскольку все они начинают с того, что хотят заявить своеволие. Таким образом, своеволие – это своеобразная отправная точка «подполья».

Однако такое своеволие таит свою проблему: подобная жажда свободы, перешедшая в произвол, приводит к отрицанию всякой свободы. Вспомним здесь другого героя «Бесов» – Шигалева, которому принадлежат характерные слова: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом»⁸. Хотя это признание сделано Шигалевым в отношении собственного «социального проекта», эти слова в полной мере могут быть отнесены на счет именно «подпольных» героев, которые, вознося превыше всего своеволие, ни с чем не считаются, идут по головам и оставляют за собой реки крови. Таковы, в сущности своей, Раскольников и Рогожин, Ставрогин и Свидригайлов, таковы многие другие герои Достоевского. Бердяев на этот счет замечает: «Свобода, как произвол и своеволие, свобода безбожная не может не породить "безграничного деспотизма". Такая свобода заключает в себе величайшее насилие. <...> Этот процесс перерождения свободы в "безграничный деспотизм" занимает очень важное место в мирозерцании Достоевского»⁹.

Главный же парадокс заключается в том, что сами они оказываются не только деспотами по отношению к другим, но и рабами собственного своеволия. «Я еще только бог поневоле и я несчастен, ибо обязан заявить своеволие»¹⁰, – признается Кириллов. Это признание тем ценнее, что Кириллов, как мы выше отметили, оказывается главным идеологом «подполья». Как всякий «подпольный» герой, он исходит из желания утвердить свою волю, но, в отличие от остальных, он доводит свою посылку до естественного логического развития и открывает,

---

⁷ См.: *Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974. С. 472.*

⁸ См.: Там же. С. 311.

⁹ См.: *Бердяев Н. А. Мирозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. Русская идея. Мирозерцание Достоевского. М.: Издательство «Э», 2016. С. 377.*

¹⁰ См.: Там же. С. 472.

Парадокс «подпольного» своеволия в творчестве Ф. М. Достоевского: от самоутверждения к самоотрицанию

что своеволие его поработило. Так, парадоксальным образом ставшая самоцелью свобода оборачивается собственной противоположностью.

Прежде всего, «подпольный» человек становится рабом того мира, который он сам и породил. Особое значение здесь приобретает образ «самого умышленного и отвлеченного города на всем земном шаре»¹¹ – Петербурга. Этот город может быть назван одним из главных символов «подполья» в творчестве Достоевского, на что указывает множество деталей.

Для примера обратимся к самому «петербургскому» роману Достоевского – «Преступлению и наказанию». Образ города в этом произведении конструируется Достоевским с помощью особой цветовой палитры, из которой особым образом выделяется желтый цвет. Существует даже известное мнение, будто желтый существенно преобладает над другими цветами по частоте своего употребления, однако в своем исследовании Б. Н. Тихомиров показывает, что на самом деле не так¹². Тем не менее, согласно исследователю, желтому цвету действительно отведена особая роль: хотя употребление его «приходится на очень узкую сферу изображения», этот цвет как бы составляет лейтмотив всего романа. В отношении бытовых предметов Достоевский использует эпитет желтый (и производные от него), чтобы подчеркнуть их неестественность, испорченность, как, например, «желтые кусочки сахара», «желтый стакан с желтой водой», «пожелтелая кацавейка Алены Ивановны» и т.д. Похожим образом в отношении людей этот эпитет служит признаком усталости, болезни (например, «бледно-желтое лицо» чахоточной Катерины Ивановны) и приближающейся смерти («желтовато-черное пятно» на груди умирающего Мармеладова)¹³. Со своей стороны укажем также на очевидную этимологическую и смысловую связь желтого с желчью, приступами которой мучается главный «подпольный» герой романа Раскольников¹⁴. Таким образом, желтизна – это некий метафизический признак, выражающий атмосферу духовной порчи и указывающий на «подпольность» не только самого города, но и его обитателей.

Причем, здесь важно заметить, что Петербург в таком случае оказывается не просто фоном, который отображает внутреннее, духовное состояние человека, но полноценным

---

¹¹ Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 101.

¹² См.: Тихомиров Б.Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. С. 56.

¹³ См. об этом подробнее: там же, с. 57-58.

¹⁴ См.: Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. С. 28, 90, 100 и 278.

Парадокс «подпольного» своеволия в творчестве Ф. М. Достоевского: от самоутверждения к самоотрицанию

актером: «Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге. Чего стоят одни климатические влияния!»¹⁵ – замечает Свидригайлов. Однако это влияние не столько «климатическое», сколько именно духовное. В художественном мире Достоевского Петербург словно обладает способностью оказывать магическое воздействие на сознание человека, одурманивать его разум и поработать его волю – этот город манит, засасывает в свое болото: «Мне говорят, что климат петербургский мне становится вреден и что с моими ничтожными средствами очень дорого в Петербурге жить. Я все это знаю <...>. Но я остаюсь в Петербурге; я не выеду из Петербурга!»¹⁶ – доносится голос героя «Записок из подполья».

Тем не менее, «подполье» породило Петербург, а не наоборот, поэтому источник этого рабства стоит искать не во внешнем мире, а в сфере самого человеческого духа. Как убедительно показывает Р. Жирар в своем исследовании, посвященном психоаналитическому и философскому анализам проблематики «подполья» в творчестве Достоевского, «основополагающим психологическим и метафизическим» фактором, определяющим все «проявления подпольной жизни», оказывается обыкновенная человеческая гордыня¹⁷. Именно гордость служит главным источником своеволия, который побуждает «подпольного» героя доказывать, что он может «собрать и упорядочить реальность вокруг себя»¹⁸. Однако она же оказывается главным источником духовного рабства, в которое он неизбежно впадает.

Причина рабства кроется в механизме самой гордости. Проявляя себя в форме чувства собственного превосходства, гордость всегда уже предопределена отношением к Другому, поскольку структурно она, как отмечает Жирар, «разделена и разорвана между Я и Другим»¹⁹. В этой системе отношений Я всегда находится в рабской зависимости от инстанции Другого. В свою очередь, такое положение неизбежно приводит к чувству собственного бессилия. Бессилие Я перед инстанцией Другого характерно выражено в эпизоде «Преступления и наказания», когда уже после совершенного убийства Раскольникову снится сон, в котором

---

¹⁵ См.: *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. С. 357.

¹⁶ См.: *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 99.

¹⁷ См.: *Жирар Р.* Достоевский. От двойника к единству // *Жирар Р.* Критика из подполья. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 68.

¹⁸ См.: Там же. С. 69.

¹⁹ См.: Там же. С. 61.

Парадокс «подпольного» своеволия в творчестве Ф. М. Достоевского: от самоутверждения к самоотрицанию

старуха смеется над его тщетными попытками снова убить ее: «... изо всей силы начал он бить старуху по голове, но с каждым ударом топора смех и шепот из спальни раздавались все сильнее и слышнее, а старушонка так вся и колыхалась от хохота»²⁰. Из этой ситуации следует, что даже физическое уничтожение Другого (ведь в действительности Раскольников все же убил старуху) не освобождает Я от его рабского положения перед инстанцией Другого.

С одной стороны, это сознание собственного бессилия есть источник высшего страдания. Однако парадоксальным образом это же сознание бессилия собственного Я перед Другим оказывается для «подпольного» героя источником высшего наслаждения, что выдает в нем патологического мазохиста: «Я, например, ужасно самолюбив. Я мнителен и обидчив, как горбун или карлик, но, право, бывали со мною такие минуты, что если б случилось, что мне бы дали пощечину, то, может быть, я был бы даже и этому рад. Говорю серьезно: наверно, я бы сумел отыскать и тут своего рода наслаждение, разумеется, наслаждение отчаяния, но в отчаянии – то и бывают самые жгучие наслаждения, особенно когда уж очень сильно сознаешь безвыходность своего положения. А тут при пощечине – то – да тут так и придавит сознание о том, в какую мазь тебя растерли»²¹. К слову, ту же мазохистскую экстаичность проявляет и Мармеладов, когда, терзаемый за волосы взбесившейся Катериной Ивановной, выкрикивает Раскольникову: «И это мне в наслаждение! И это мне не в боль, а в наслаждение, милостивый го-су-дарь»²².

Кроме того, мазохизм не существует без садизма – в известном смысле одно предполагает другое: «В конце концов мазохист всегда обнаруживает перед собой садиста, а садист – мазохиста. Каждый становится подтверждением для Другого и тем самым для самого себя – двойной иллюзией величия и низости; каждый поддерживает и усиливает в другом мечтания между экзальтацией и отчаянием»²³, – пишет Жирар. В этой связи Жирар вспоминает «вечного мужа» Трусоцкого, который, преследуя Вельчанинова с целью отомстить ему за поруганную честь, «обречен бесконечно блуждать вокруг оскорбителя, воспроизводя условия оскорбления

---

²⁰ См.: *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. С. 213.

²¹ См.: *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 103.

²² *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. С. 24.

²³ См.: *Жирар Р.* Достоевский. От двойника к единству // *Жирар Р.* Критика из подполья. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 65.

Парадокс «подпольного» своеволия в творчестве Ф. М. Достоевского: от самоутверждения к самоотрицанию

и вновь подвергаясь оскорблению»²⁴. Но не только Трусоцкий вращается вокруг своего злейшего врага. Вспомним, что и сам герой «Записок из подполья» ощущает непреодолимое притяжение к своему обидчику – офицеру из бильярдной: «Для чего я набирал на себя эту муку, для чего я ходил на Невский – не знаю, но меня просто тянуло [подчеркнуто Достоевским. – Н.Р.] туда при каждой возможности. <...> После же истории с офицером меня еще сильнее туда стало тянуть: на Невском – то я его и встречал наиболее, там – то я и любовался им [курсив мой. – Н.Р.]»²⁵. Трусоцкого и героя «Записок» в данном случае объединяет «подпольное» чувство обиды, разжигающее в них жажду мести. Однако на их примере Достоевский показал, что стремление отомстить отнюдь не ведет к восстановлению поруганной свободы, а напротив лишь укореняет зависимость от обидчика. Так, чувство уязвленной гордости, как это ни парадоксально, раз за разом, снова и снова толкает «подпольного» героя на еще большее унижение и самоуничужение.

Наконец, не только провозглашенная самоцелью свобода оборачивается собственной противоположностью – деспотизмом и духовным рабством, но и самоутверждение, к которому стремятся все «подпольные» герои, в конечном итоге приводит к самоотрицанию. Раскольников это ясно дает понять на своем примере. Он хочет познать границы своей свободы – способен ли он перевоплотиться и стать Наполеоном²⁶, имеет ли право переступить через свободу Другого. Вооружившись топором, Раскольников идет путем самоутверждения и обнаруживает, что отрицание Другого во имя собственного Я приводит не к утверждению, а отрицанию этого Я²⁷: «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку!»²⁸. Однако Раскольников еще только духовный самоубийца, он не отточил свою логику до того совершенства, которого достиг Кириллов – поистине исполин «подполья», провозгласивший себя человекобогом. Раскольников только «своевольничал с краю, как школьник», по

---

²⁴ См.: *Жирар Р.* Достоевский. От двойника к единству // *Жирар Р.* Критика из подполья. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 56.

²⁵ См.: *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 132.

²⁶ Как известно, в романе «Преступление и наказание» фигура Наполеона появляется неслучайно. Имя Бонапарта здесь приобретает нарицательный смысл и символизирует право на безграничную власть. В этом смысле, «наполеоновская» идея Раскольникова в этом романе во многом предваряет не только концепцию человекобога в «подпольной» философии Кириллова, но и понятие сверхчеловека у Ницше.

²⁷ Подробнее об этом см. мою статью: *Рябчинский Н.В.* Другой в религиозно-экзистенциальной мысли Ф. М. Достоевского // *Философические письма. Русско-европейский интеллектуальный диалог.* 2021. Т. 4. № 4. С. 139.

²⁸ См.: *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. С. 322.

Парадокс «подпольного» своеволия в творчестве Ф. М. Достоевского: от самоутверждения к самоотрицанию

выражению Кириллова: он убил другого, и тем самым заявил своеволие лишь «в самом низком пункте»²⁹. Кириллов же хочет заявить своеволие в высшем пункте, и потому убивает себя: «Я обязан себя застрелить, потому что самый полный пункт моего своеволия – это убить себя самому»³⁰. Хотя Раскольников и Кириллов – одни из многих «подпольных» героев Достоевского, именно они наиболее значимы для нас в контексте данного исследования. Будучи не только двумя видными (хотя и не единственными) идеологами, но и практиками «подпольного» своеволия, на своем примере они наиболее показательно демонстрируют всю парадоксальность и деструктивность этого явления.

Библиография

Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Русская идея. Мирозерцание Достоевского. М.: Издательство «Э», 2016. С. 311-512.

Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974. 519 с.

Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 99-179.

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 423 с.

Жирар Р. Достоевский. От двойника к единству // Жирар Р. Критика из подполья. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 42-133.

Кантор В.К. В парадигме дантовского «Ада» («Отец Горио» Бальзака и «Преступление и наказание» Достоевского) // Кантор В.К. Две родины Достоевского: попытка осмысления. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. С. 366-409.

Никольский С.А. Достоевский и явление «подпольного» человека // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 76-87.

---

²⁹ См.: *Достоевский Ф.М.* Бесы // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974. С. 472.

³⁰ См.: *Достоевский Ф.М.* Бесы // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974. С. 470.

Парадокс «подпольного» своеволия в творчестве Ф. М. Достоевского: от самоутверждения к самоотрицанию

Рябчинский Н.В. Другой в религиозно – экзистенциальной мысли Ф. М. Достоевского // *Философические письма. Русско – европейский интеллектуальный диалог.* 2021. Т. 4. № 4. С. 128-142.

Тихомиров Б.Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга – комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.

The Paradox of "Underground" Self – will in F. Dostoevsky's Works: From Self – affirmation to Self – denial

Abstract

The article attempts to reveal the problem of “underground” self – will, which is represented in F. Dostoevsky’s works, from the point of paradoxical nature of this phenomenon. The initial thesis of this research is the recognition that the ambition to manifest self – will as a turning into arbitrariness passion for self – affirmation should be considered as the defining characteristic of the “underground men”, the type of which most of Dostoevsky's heroes belong to, starting with "Notes from the underground". The analysis of such Dostoevsky’s works as "Notes from the Underground", "Crime and Punishment" and "Demons" shows how the self – will of the "underground" heroes leads them into a state of spiritual slavery. It is concluded that the eternal desire of "underground" heroes to affirm themselves logically actually leads them to self – denial. Thus, it confirms the fundamental paradoxical phenomenon of self – will. Special emphasis in the article is placed on the problem of the Self and the Other, represented in R. Girard's research.

Keywords: Dostoevsky, self – will, the “underground” hero, the Other, Girard